

Съемки проходили на рассвете.

Первые лучи солнца едва пробивались из-за горизонта. Ветер слегка трепал волосы Е Сы. В объективе камеры крыша казалась абсолютно пустынной — никого, кроме него самого. Лишь издалека прилетел одинокий воробышка и опустился на самый край парапета.

Эта крыша и в жизни выглядела заброшенной, а в кадре и вовсе казалась воплощением одиночества.

На экране Е Сы медленно, шаг за шагом, приближался к краю. Если бы камера сняла его спереди, зритель увидел бы остекленевший, пустой взгляд человека, замороженного невидимым зовом бездны. Но даже со спины в его фигуре сквозила пугающая отрешенность, словно между ним и остальным миром пролегла непреодолимая пропасть.

— Снято! Великолепно, переходим к следующей сцене.

Режиссер сиял от восторга. Он и не ожидал, что этот парень сыграет настолько тонко. Эмоции считывались по одной лишь спине.

На площадке оживились. Вся съемочная группа принялась за работу: нужно было спешно переставить реквизит и подготовиться к финальной сцене прыжка. Внизу, прямо под стеной, рабочие начали надувать огромный спасательный батут.

В этой суматохе никто не заметил, что с Е Сы творится что-то неладное.

Когда режиссер объявил перерыв, парень не спешил возвращаться в безопасную зону. Напротив, он застыл на мгновение, а затем продолжил двигаться прямо к обрыву — медленно и неуклонно.

Он не слышал ни голосов, ни спасительной команды «Снято». Реальный мир для него попросту перестал существовать.

С тех пор как он перенесся в этот мир, тоска по прошлому не отпускала его ни на день. Он безумно скучал по родителям, по уютному двухэтажному коттеджу и по Цинцин — соседской девчонке, его подруге детства, с которой они выросли вместе. И теперь, когда он внезапно увидел её, все его чувства хлынули наружу.

Там, впереди, за пределами крыши, стояла она. Она мягко улыбалась и манила его рукой. Забыв обо всем на свете, Е Сы пошел прямо к ней.

— Ты что творишь?!

Брат Хань уже собирался спуститься вниз, но заметил, что Е Сы отстал. Обернувшись, он похолодел: тот стоял на самом краю, занеся ногу над бездной. Вокруг суетились десятки людей, кричали и смеялись, но никто не обращал внимания на смертельную опасность в паре метров от них.

Оклик не помог — Е Сы даже не повернул головы. Тогда Брат Хань в несколько прыжков преодолел расстояние между ними и мертвой хваткой вцепился в плечо парня, резко дернув назад.

Е Сы рвался вперед, к своей Цинцин, но резкий рывок заставил его покачнуться. Охваченный гневом, он обернулся к тому, кто посмел ему помешать, и столкнулся взглядом с испуганным Братом Ханем.

Этот толчок наконец-то сорвал пелену с его разума.

Откуда здесь взяться подруге детства? Даже если в этом безумном мире существовал ее двойник, это была не она.

Он задрожал, часто заморгал, лихорадочно всматриваясь в пустоту перед собой.

Там никого не было. Лишь холодный утренний ветер гулял над пустым пространством.

Она исчезла. Вспоминая все, что с ним произошло за последнее время, Е Сы понял: это место расставило очередную ловушку. Еще секунда — и он полетел бы вниз.

— Спасибо тебе, — тихо произнес Е Сы.

Каким бы несносным и разгульным ни казался Брат Хань на той свадьбе, сейчас он спас ему жизнь. Этот долг Е Сы признавал безоговорочно.

— Да ладно, пустяки. Ты просто поаккуратнее там, — Брат Хань смерил его подозрительным взглядом.

Убедившись, что парень пришел в себя, Брат Хань решил, что просто преувеличил опасность. Наверное, новичок слишком переволновался из-за своей первой важной роли и заигрался, примеряясь к прыжку. Актеры частенько теряют связь с реальностью на кураже — он и сам порой ловил себя на подобном.

Е Сы вымученно улыбнулся и кивнул.

Этот короткий разговор помог ему окончательно заземлиться. Только теперь к ним подбежали остальные сотрудники группы, наконец заметившие Е Сы, и позвали его крепить лонжи.

Следующий кадр требовал, чтобы Е Сы повернулся спиной к камере и сделал шаг в пустоту.

Хоть внизу и лежал огромный надувной батут, малейшая оплошность или неверный толчок могли привести к трагедии. Страховка на лонжах была необходимой мерой предосторожности.

Сам прыжок сняли без сучка и задоринки. Как только Е Сы приземлился, режиссер лично подошел к нему, рассыпаясь в комплиментах и пророча парню блестящее будущее.

Съемки в этой локации были официально завершены. Участники группы тепло прощались с Е Сы, помогая друг другу собирать тяжелую аппаратуру и паковать личные вещи. Вскоре все с чемоданами и баулами выстроились в холле первого этажа, с нетерпением ожидая вердикта руководства.

Режиссер окинул взглядом их измученные лица и торжественно провозгласил:

— Съемки на этой площадке окончены! Все могут идти отдыхать.

В толпе тут же поднялся недовольный гул. Люди больше не могли сдерживать накопившееся напряжение.

— Мы хотим уехать! — выкрикнул кто-то из глубины.

— Никакого отдыха здесь! Мы убираемся отсюда прямо сейчас!

Протесты посыпались один за другим. Никто не желал оставаться в этих стенах ни единой лишней минуты. Пусть обошлось без смертей, но череда странных происшествий — тяжелые травмы актера второго плана и парня из службы снабжения — держала всех в постоянном страхе. А уж когда на отснятых материалах проступили силуэты каких-то жутких, неопознанных существ, паника достигла предела. Если бы не обещание уехать сразу после финальной сцены, половина группы разбежалась бы еще вчера.

В конце концов, никакие гонорары не стоят человеческой жизни.

Видя эту бурю негодования, режиссер лишь растерянно развел руками. Он ведь всего лишь хотел дать людям немного перевести дух перед дорогой. Ему и самому это проклятое место снилось в кошмарах. Пару раз он пытался возразить, но его робкие попытки мгновенно тонули в яростном хоре голосов.

Поняв, что добром толпу не утихомирить, он вздохнул, достал привычный режиссерский мегафон и врубил его на полную мощность:

— Тишина! Всем тихо! Послушайте меня!

Гул постепенно начал стихать. Послышались недовольные вздохи, но большая часть группы все же замолчала, готовая слушать.

— Послушайте, я имел в виду, что отдыхать пойдет большинство из вас! А ребятам из снабжения придется еще немного потрудиться. Нужно подготовить традиционный обряд подношения духам. Как только всё будет готово, в полдень мы проведем ритуал, а уже после обеда погрузимся в автобусы и уедем. К тому же, учитывая, насколько изматывающими выдались эти дни, я решил объявить перерыв. На следующую локацию мы поедем не сразу. Возвращайтесь по домам, набирайтесь сил, а позже мой ассистент свяжется с каждым и назовет дату следующих съемок.

Эти слова подействовали как бальзам на душу. Напряжение мигом спало.

За исключением бедолаг из хозчасти, которым предстояло возиться с подготовкой ритуала, все остальные с легким сердцем потянулись обратно в свои комнаты. Чтобы отвлечься от гнетущих мыслей, люди начали шутить и болтать о пустяках. Главное сейчас — занять голову хоть чем-то, ведь в тишине и безделье страх возвращался с новой силой. Лучшим спасением было просто забыть о произошедшем.

Е Сы, будучи чужаком, всегда держался особняком.

С того мгновения, как окрик Брата Ханя уберег его от последнего шага в бездну, парень ни на минуту не находил себе места. Он без конца прокручивал в голове все события с момента своего появления в этом проклятом месте. Он разбирал каждую мелочь, анализировал каждый шорох и жест, пытаясь докопаться до сути.

Иллюзий больше не оставалось. Сегодня он впервые почувствовал ледяное дыхание смерти так близко.

Дай Чжэ давно заметил, что после окончания съемок его подопечный сам не свой. Помедлив, он негромко спросил:

— Что с тобой? Тебе не понравилось сниматься?

Но Е Сы, погруженный в свои безрадостные думы, даже ухом не повел.

Дай Чжэ нахмурился, он помрачнел. Он терпеть не мог, когда его слова пропускали мимо ушей. Позволь себе подобное кто-то другой, Дай Чжэ больше не проронил бы ни слова и навсегда занес бы наглеца в свой черный список.

Но Е Сы с самого начала был особенным. Дай Чжэ слишком долго наблюдал за ним.

— Е Сы! — уже громче позвал он.

Тот продолжал двигаться на автопилоте, направляясь к их кровати. Чтобы заставить его очнуться, Дай Чжэ преградил ему дорогу, встав прямо перед ним.

Увлечшись своими мыслями, Е Сы не затормозил вовремя и со всего маху врезался лицом в его твердую грудь.

— Ой, больно-то как!.. — вскрикнул парень. Удар пришелся прямо по носу. Ощущение было такое, словно у него сломалась переносица. От резкой боли в глазах мгновенно выступили слезы. Зажав нос ладонями, Е Сы отшатнулся и со стоном опустился на корточки.

Дай Чжэ опешил.

Он всего лишь хотел привлечь к себе внимание, а вовсе не собирался причинять парню боль или наказывать его за невнимательность.

— Эй, ты как? — Дай Чжэ поспешно опустился рядом с ним на корточки. Он осторожно отвел руки Е Сы от его лица, пытаясь рассмотреть повреждения.

Е Сы приподнял голову. Ну конечно, врезался прямо в эту каменную грудную клетку.

Пока Дай Чжэ пристально изучал его покрасневший нос, Е Сы шмыгнул носом. Из-за выступивших слез он выглядел обиженным и беззащитным.

Дай Чжэ и раньше видел чужие слезы. Перед ним устраивали и бурные сцены с рыданиями, и разыгрывали тонкие драмы с беззвучным плачем, но он всегда оставался безучастным зрителем, сохраняя маску холодного равнодушия. Фальшь или искренность — ему было плевать, чужие эмоции его не трогали.

Но сейчас, глядя на влажный блеск в глазах Е Сы, он вдруг почувствовал, как внутри все замерло от глухой, необъяснимой тревоги.

«Вдруг он обидится и перестанет мне доверять?» — промелькнула паническая мысль. Вот только Дай Чжэ совершенно не умел утешать людей. Благодаря привлекательной внешности с ним редко кто-то спорил, а его колючий, неприступный характер заставлял окружающих держаться на почтительном расстоянии. У него попросту не было опыта в таких делах.

Утешать кого-то другого ему бы и в голову не пришло, но Е Сы... Е Сы был исключением. С самого первого дня этот парень занимал в его мыслях совершенно особое место.

Дай Чжэ нелепо замер на корточках перед ним, всматриваясь в его лицо. Нос Е Сы забавно покраснел, а в округлившихся глазах дрожали крупные слезинки.

Дай Чжэ растерялся. Он отчаянно пытался вспомнить, как ведут себя в таких ситуациях.

В памяти всплыло воспоминание из детства: когда маленькие дети ударялись обо что-то и начинали плакать, взрослые обычно в шутку журили «плохой» предмет, а затем легонько дули на ушибленное место, чтобы «все зажило». И дети мгновенно успокаивались.

Решив последовать этому нехитрому совету, Дай Чжэ легонько шлепнул себя по груди, а затем придвинулся ближе и неловко произнес:

— Ну-ну, не плачь. Ничего страшного, просто немного покраснело. Давай я подую, и все пройдет.

С этими словами он мягко подул на кончик носа Е Сы.

Тот от неожиданности даже затаил дыхание. Ему стало безумно неловко. Мало того, что он расплакался из-за такой глупости, так еще и Дай Чжэ устроил эту детскую пантомиму. Два взрослых парня сидят на полу в полуобнимку — нелепее ситуации и представить нельзя.

Когда Дай Чжэ помог ему подняться, Е Сы упорно отводил взгляд, разглядывая мыски своих кроссовок. Поддерживая его под локоть, Дай Чжэ довел парня до кровати и усадил на край матраса.

— Посиди пока здесь, — раздался над ухом его глубокий, бархатистый голос, в котором сквозило неподдельное беспокойство. — Я поищу в аптечке мазь или лед.

Е Сы, до этого сгоравший от смущения, не выдержал и прыснул со смеху.

— Ха-ха-ха! Ты что, серьезно? Тебя никогда не били по носу? Ну кто при обычном ушибе бежит за аптечкой?! — Он повалился на кровать, со смехом перекатываясь с боку на бок. Боль в носу мгновенно забылась.

— Нет, — с каменным лицом ответил Дай Чжэ.

В его тоне было столько сурового достоинства, что Е Сы подавился смешком. Он поднял глаза на Дай Чжэ и мысленно признал его правоту. При росте под метр девяносто и косой сажени в плечах врезаться кому-то в грудь было физически трудно. Да и с такой ледяной аурой люди инстинктивно обходили его по широкой дуге за версту, так что шансы на случайное столкновение стремились к нулю.

Оставшиеся до отъезда часы пролетели незаметно в неторопливой беседе. В полдень, наскоро пообедав, съемочная группа провела обряд очищения площадки, после чего началась суматошная погрузка.

Яркие солнечные лучи освещали забитый до отказа багажный отсек автобуса.

В салоне царило небывалое оживление. Все радовались долгожданному освобождению из этого проклятого места. Казалось, даже вечно хмурый режиссер наконец-то расслабился и повеселел.

Е Сы повернулся к окну. Его взгляд невольно зацепился за силуэт того самого заброшенного здания, на крыше которого они снимали утреннюю сцену.

Вдруг на краю парапета показались три мужские фигуры. Расстояние было приличным, но Е Сы отчетливо разглядел, как они медленно, синхронно машут ему руками. И в их движениях сквозило пугающее, безумное веселье.

Парень мгновенно побледнел.

Этот жест... Он видел его уже дважды. Первый раз так махал мертвый актер из окна, второй — тот же призрак зазывал парня из снабжения. Е Сы отчаянно пытался отвести взгляд, закричать, но он оцепенел, отказываясь повиноваться. Он мог лишь беспомощно наблюдать, как силуэты один за другим шагнули с крыши вниз.

Но у подножия здания ничего не произошло — ни тел, ни криков. Морок.

«Слава богу, мы уезжаем», — пронеслось в голове у Е Сы, когда автобус наконец тронулся с места.

Они благополучно вернулись в город. Несмотря на то что Дай Чжэ совсем недавно выписался, он крайне серьезно относился к своему здоровью. Дав себе день на передышку, он твердо вознамерился отвезти Е Сы в больницу на повторное обследование.

Сам Е Сы от этой идеи был не в восторге. Больницы он не переваривал с детства.

— Может... не поедем? — пробормотал он, замывшись.

— Исключено. Это обязательно, — отрезал Дай Чжэ.

— Но я правда не хочу туда, — Е Сы понуро опустил голову.

Дай Чжэ помолчал, смягчая тон, но не уступая:

— Твое здоровье важнее. Мы до сих пор не знаем, из-за чего тогда потеряли сознание и угодили на больничную койку. Нужно провериться еще раз.

Он говорил мягко, опасаясь упрямства со стороны Е Сы. И не зря — тот действительно не собирался соглашаться.

Парень сидел на диване, насупившись. Сказывалась привычка обычного небогатого человека: зачем тратить время и деньги на врачей, если ничего не болит? Их ведь уже обследовали, да и выписали только тогда, когда анализы пришли в норму.

На черном мраморном столике перед диваном стоял стакан воды. Дай Чжэ взял его и пододвинул ближе к парню. Он видел, как сильно тот упирается, но все же считал визит к врачу необходимостью.

— Хорошо, — вздохнул Дай Чжэ. — Можешь не проходить обследование. Но мне самому нужно показаться врачу, так что я съезжу один. А ты посиди дома.

Е Сы как раз лихорадочно придумывал очередную отговорку и от неожиданности даже замер в изумлении. Он думал, Дай Чжэ потащит его силой, судя по его бескомпромиссному тону. А тут такая легкая победа.

— Ладно... Я поеду с тобой. Просто за компанию, — буркнул Е Сы, чувствуя себя немного виноватым.

Дай Чжэ мысленно перевел дух. Слава богу, его маленькая уловка сработала в точности так, как он рассчитывал.

Быстро собравшись, они выехали.

Клиника оказалась частной — тихой, с ухоженной зеленой территорией и высококлассным персоналом. Людей здесь практически не было. Единственное, что смущало Е Сы, — заоблачные цены в преискуранте. Будь медицинские услуги подешевле, ему бы не пришлось наниматься к Дай Чжэ в ассистенты, чтобы поскорее вернуть долг за прошлое лечение.

Он втайне подозревал, что пустота в коридорах объясняется исключительно грабительскими тарифами.

Поскольку шел будний день, в клинике царил абсолютное безмолвие. По дороге Дай Чжэ объяснил, что клиника работает по закрытой клубной системе. Посторонних сюда не пускали ни за какие деньги. Для публичных людей и звезд шоу-бизнеса это было идеальным местом — конфиденциальность гарантировалась, и ни один назойливый папарацци не мог просочиться внутрь.

Они неторопливо шли по длинным, безупречно чистым коридорам. Миновав очередной поворот, парни оказались возле VIP-отделения со стационарными палатами.

Вдруг из-за закрытой двери одной из них донесся звонкий, залиvistый детский смех. Обычно в медицинских учреждениях требовалось соблюдать тишину, но даже в таком элитном заведении правила бессильны перед неумной детской энергией.

Е Сы не обратил на это внимания и пошел дальше.

Вдруг из палаты донесся звонкий хлопок — словно что-то разбилось. Детский смех оборвался, и вместо него раздался истошный плач.

Судя по звуку, ребенок на что-то налетел или уронил тяжелую вещь. Обеспокоенный Е Сы притормозил и огляделся по сторонам, но дежурная медсестра так и не появилась. Опасаясь, что малыш мог серьезно пораниться, парни бросились к двери.

Дай Чжэ резко постучал, но изнутри доносились лишь захлебывающиеся рыдания. Никто не открывал. Подергав ручку, они поняли, что дверь заперта снаружи на ключ. Скорее всего, родители ушли по делам и заперли непоседу, чтобы тот не сбежал.

Переглянувшись, они навалились на дверь плечами. После нескольких сильных ударов хлипкий замок поддался, и дверь с треском распахнулась.

В центре комнаты на полу валялась разбитая фарфоровая ваза. Вода растеклась по дорожному линолеуму широкой лужей, повсюду были разбросаны примятые бутоны цветов.

Но в самой палате никого не было. Она была абсолютно пуста.

<http://bllate.org/book/19925/2040297>